

В. А. Борисенко
Т. Ю. Мкртчян
М. В. Самофалова

**Вербальная репрезентация
образа политика
в политическом дискурсе:
прагмалингвистический подход**

**Тамара Юрьевна Мкртчян
Виктория Александровна Борисенко
Марина Владимировна Самофалова**

**Вербальная репрезентация
образа политики в
политическом дискурсе.**

Прагмалингвистический подход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39847411

*Вербальная репрезентация образа политика в политическом дискурсе:
прагмалингвистический подход монография:
ISBN 9785927526420*

Аннотация

Монография посвящена исследованию манипулятивности в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе с позиции скрытой прагмалингвистики. Раскрывается специфика направленности манипулятивного воздействия с целью создания политиком своего неповторимого образа, проводится анализ вербальных средств репрезентации индивидуального образа политического лидера на лексическом и грамматическом языковых уровнях и выявляются стереотипные речевые средства, носящие универсальный характер в политической коммуникации

и независимые от языковой принадлежности политических лидеров и тематики дискурса. Предлагаемая монография может представлять интерес для широкого круга читателей: преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей, занимающихся научно-исследовательской работой по таким специальностям, как 10.02.19 (Теория языка), 10.02.01 (Русский язык), 10.02.04 (Германские языки), а также для студентов, обучающихся по направлению 45.03.01 (Филология) и 42.03.02 (Журналистика).

Содержание

Введение	5
Раздел 1. Политическое интервью как жанровая форма политического дискурса	9
1.1. Феномен политического дискурса как объект лингвистического исследования	9
1.2. Манипулятивность как характеристика политического дискурса	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**В. А. Борисенко,
Т. Ю. Мкртчян,
М. В. Самофалова**

**Вербальная репрезентация
образа политика в
политическом дискурсе:
прагмалингвистический
подход монография**

Введение

*Политика – театр, молчит в нем хор,
Кулисы труппа меряет шагами,
Пока не даст отмашку дирижер,
Едва заметный в оркестровой яме.*

Эдуард Александрович Севрус

Исследование политического дискурса, характеризующее-

гося высокой степенью речевого воздействия, представляет большой интерес для лингвистов. Борьба за власть и создание яркого, уникального и незабываемого имиджа является основной темой и движущим мотивом политической сферы общения, а важную роль в формировании речевого образа политического деятеля играет способ его вербальной репрезентации. Диагностирование личностных качеств ведущих политических деятелей с точки зрения исследования их речевых особенностей привлекает широкую аудиторию и вызывает интерес в лингвистическом научном сообществе.

Актуальность темы определяется значимостью политической коммуникации для современного общества как социально структурирующей деятельности, а также вытекает из того факта, что в связи с создавшейся в мире политической обстановкой политический дискурс приобретает значительный вес в лингвистических исследованиях. Актуальным представляется обращение к исследованию речевых сигналов манипулятивности в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе с позиции скрытой прагмалингвистики, в частности исследование специфики направленности манипулятивного воздействия с целью создания политиком своего неповторимого образа по двум типам скрытых речевых воздействующих стратегий – эмотивно-ориентированным и конативноориентированным. Анализ вербальных средств репрезентации индивидуального образа политического лидера на лексическом и грамматическом языковых

уровнях в рамках вышеупомянутых стратегий позволяет выявить стереотипные речевые средства, носящие универсальный характер в политической коммуникации и независящие от языковой принадлежности политических лидеров и тематики дискурса.

Новизна работы заключается в том, что в ней проводится анализ вербальных средств репрезентации индивидуального образа политика с точки зрения языковой структуры, а также в том, что в качестве маркеров речевого имиджа политика впервые рассматриваются окказионализмы, обращения, единицы категории числа и наклонения и прочие лексические и грамматические единицы. Кроме того, в работе впервые анализируются индивидуальные речевые особенности русскоязычных и англоязычных политических лидеров современности Б. Обамы, Д. Трампа, В.В. Путина, Д.А. Медведева.

Цель настоящего исследования состоит в изучении и описании индивидуальных речевых особенностей русскоязычных и англоязычных политических деятелей по материалам их интервью в СМИ на актуальные темы. Данные речевые маркеры имиджа политиков реализуются в ряде скрытых речевых стратегий и их речевых тактиках, анализ которых позволяет говорить об их индивидуальном стереотипном речевом поведении. Речевой портрет, который создает себе политик на протяжении своей политической карьеры, представляет собой обширную область для изучения, так как суще-

существует множество механизмов вербального влияния на аудиторию и их выявление представляется значимым с точки зрения прагмалингвистики.

Раздел 1. Политическое интервью как жанровая форма политического дискурса

1.1. Феномен политического дискурса как объект лингвистического исследования

Политический язык нужен для того, чтобы ложь звучала правдиво, чтобы убийство выглядело респектабельным и чтобы воздух можно было схватить руками.

Джордж Оруэлл

Трактовка понятия «дискурс». Понятие «дискурс» впервые было употреблено в 1950-е годы Э. Бенвенистом в процессе разработки теории высказывания. В отечественном языкознании данный термин впервые появился в 1970-е годы в значении близком к понятию функциональный стиль. С тех пор дискурсивный анализ накопил в своем арсенале множество традиций и подходов, значительно расширивших исследовательское поле (см. напр. французская школа – лингвистический подход, англо-саксонская традиция

– антропоцентрический подход и т. д.). Исходной теоретической базой формирования и развития дискурсивной теории послужили отдельные постулаты формальной и структурной лингвистики, лингвистики текста, исследования американских ученых по этнолингвистике, лингвистической антропологии, социолингвистике (см. работы В. Матезиуса, Р. Барта, Ц. Тодорова, Ф. Боаса, У. Лабова и др.). В формировании дискурсивных школ большую роль сыграли теоретические разработки ученых по смежным наукам: философии, истории, психологии, социологии, герменевтики и т. д. На сегодняшний день в исследовании дискурса выделяется ряд подходов: коммуникативный, семиотический, когнитивный, прагматический, когнитивно-дискурсивный, дискурсивно-диалогический, интегративный, каузально-генетический [Екшембеева, Мусатаева, Электронный ресурс].

Одно из первых в лингвистике определений термина «дискурс» принадлежит Т.Н. Николаевой, которая отмечает его многозначность и омонимичность и трактует его и как связный текст, и как его устно-разговорную форму, и как диалог, и как группу связанных между собой высказываний, и как готовое устное или письменное речевое произведение [Николаева, 1978]. Впоследствии к трактовке данного понятия обращались еще многие отечественные лингвисты (Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, А.К. Жолковский, Л.М. Землянова, В.И. Карасик, О.Л. Михалева и пр.) и понимали под дискурсом текст или речь [Клюев, 2013]. Лишь на рубеже

20–21 веков понятие дискурса вышло за пределы филологического понимания и приобрело междисциплинарный характер, проявляющийся в отнесенности дискурса не только к гуманитарным, но и к социальным наукам.

Сегодня термин «дискурс» характеризуется разнопланово и активно применяется в ряде наук гуманитарно-общественного цикла (см.: Р. Барт, Т. Ван Дейк, М. Фуко, Ю. Хабермас и т. д.) [Клюев, с. 210]. Однако общепринятой трактовки «дискурса» в наши дни не существует. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС, 1990] дискурс определяется и как речь, погруженная в жизнь и как текст, обусловленный совокупностью экстралингвистических, прагматических, социокультурных и прочих параметров [ЛЭС, 1990]. В «Большом толковом социологическом словаре» дефиниция дискурса также неоднозначна: «совокупность вербальных манифестаций, устных или письменных, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи» [БТСС, 1999]. Н.Д. Арутюнова тоже понимает дискурс очень широко – от связного текста с его экстралингвистическими факторами (т. е. текста взятого в событийном аспекте) до целенаправленного социального действия [Арутюнова, 1999]. А.П. Огурцов соотносит понятие дискурса только с речью, речевой коммуникацией, речевой деятельностью, комплексом речевых актов [Огурцов, 1993]. Из вышеприведенных определений видно, что дискурсологи едины в одном: понятие дискурса шире понятия текста, в нем обязательно учи-

тываются экстралингвистические факторы и присутствует ориентация на социальное в языке [Екшембеева, Мусатаева, 2015]. То есть дискурс – это текст, погруженный в речевую ситуацию, речь, погруженная в жизнь.

Типология дискурса. В связи с имеющимся на сегодняшний день разнообразием научных интересов, исследовательских подходов к изучению дискурса и дискурсивных школ существуют различные критерии типологии дискурса. В зависимости от канала передачи данных, который может быть акустическим или визуальным, принято выделять устный и письменный дискурс. По виду речевой деятельности, дискурс бывает монологическим и диалогическим. Продиктованный стилем речевого общения дискурс может быть аргументативным, конфликтным, или гармоничным [Водак, 2004]. Социально-демографический критерий позволяет говорить о детском и подростковом дискурсе, дискурсе стариков, женском и мужском дискурсе, дискурсе жителей города и села и т. д. [Киосе, 2002]. Основанием для выделения дискурса моряков, учителей, программистов и т. п. служит социально-профессиональный критерий. С точки зрения социально-политического критерия возможно выделение дискурсов отдельных политических партий (дискурс консерваторов, дискурс либералов, дискурс тэтчеризма, дискурс лейбористов и т. д.). В основе выделения персонального (личностно-ориентированного) и институционального (статусно-ориентированного) типов дискур-

са лежит адресатный критерий [Бахтин, 2000]. Персональный дискурс в свою очередь может быть повседневным (обслуживает домашние дела и т. п.), и бытийным (служит в художественно-философском обмене существенными смыслами в ходе познания мира), а институциональный дискурс в зависимости от социально-ситуативных параметров классифицируется на политический, дипломатический, административный, юридический, военный, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, педагогический, спортивный, научный, электронный, мистический, массово-информационный, сценический, и т. д. [Толпыгина, 2002; Карасик 1998].

Онтология изучения феномена политического дискурса. Во всем описанном выше типологическом разнообразии дискурса, политический дискурс, представляющий особую социальную значимость в современном обществе, проявляется значительно чаще других [Углова, 2013]. Вследствие этого приоритетным в наши дни стало рассмотрение феномена политического дискурса в научных работах по политологии, психологии, философии, социологии, экономике и, конечно, лингвистике, а также в ракурсе междисциплинарных подходов, например с социопсихолингвистической, лингвокультурологической, индивидуально-герменевтической точек зрения и при исследовании личностных интенций автора и интерпретатора дискурса [Демьянков, 2008].

Политическая коммуникация, с древних времён вызывавшая пристальный интерес, сегодня снова попадает в центр языковых исследований в связи с функциональным поворотом в лингвистике. Небывалую популярность политического дискурса можно аргументировать возросшим интересом к языку политики и речевой деятельности мировых политических лидеров. Повышенное внимание к коммуникации в политической сфере объясняется и тем фактом, что в нём наиболее чётко проявляется взаимосвязь дискурса и власти, языка и идеологии, он предопределяет языковую картину мира и языковое общественное сознание. Именно сегодня появилась возможность взглянуть на язык политики под другим углом – в аспекте условий его появления и реализации в тексте, целей и задач его применения. Обращение к политическому дискурсу в наши дни предполагает анализ его формы, задач, содержания, связи с определенными политическими ситуациями и внеязыковыми факторами.

История изучения политического дискурса как сложного, многоаспектного, многопланового общественно-политического феномена позволяет выделить ряд дискуссионных проблем – определение его сущности, самобытности и отличительных типовых особенностей по отношению к другим типам дискурса, прагматических функций и т. д.

Феномен политического дискурса не поддаётся однозначной трактовке, современные научные представления о его содержании весьма разнообразны, что обусловлено отличии-

ями в авторских подходах и особенностями исследовательских методов в разных отраслях научного знания. Например, в ряде работ политический дискурс понимается как вид идеологического дискурса, так как он всегда идеологически окрашен, в нём осуществляется борьба за власть, за основополагающие групповые ценности, а его внутреннюю структуру можно представить в тождестве компонентов «предмет обсуждения» + «социальная ситуация» + «идеология» [Клюев, 2013; Сорокин, 1997].

Еще одно мнение на сущность политического дискурса соотносится с теорией коммуникации и сводится к его трактовке как части публичного дискурса. Считается, что политический дискурс является воплощением межличностного взаимодействия коммуникантов, рассуждающих, дискутирующих и выступающих по приоритетным вопросам политической проблематики [Клюев, 2013]. Его ключевые участники – политики, граждане и средства массовой информации, а ведущая функция как части публичного дискурса состоит в артикуляции интересов общества, в формировании повестки дня и в содействии взаимопроникновению альтернативных точек зрения в рамках дискурса [Хвостунова, 2006].

В аспекте семиотического подхода политический дискурс представляет собой уникальную систему знаков, в которой происходит модулирование семантики, изменение функций языковых единиц, трансформация стандартных речевых

действий, и которая обладает самобытным комплексом лексических единиц [Угланова, 2013].

В современной научной лингвистической литературе сформировалось две ведущих концепции к пониманию смысла политического дискурса [Шейгал, 2004; Баранов, 1990; Т. Ван Дейк, 2013]. В узком контексте политический дискурс – это группа ограниченных политической сферой жанров, «политический акт в политической обстановке» [Т. Ван Дейк, 2013]. С точки зрения данного подхода только институциональные формы общения, реализующиеся в публичных речевых жанрах правительственных обсуждений, парламентских дебатов, партийных программ и прочих можно относить к политическому дискурсу [Калантаевский, 2007; Т. Ван Дейк, 2013]. В широком смысле к политическому дискурсу принадлежат все формы общения, в которых хотя бы одна из составляющих (субъект, адресат, содержание сообщения) связана с политикой. В современной лингвистике политический дискурс всё чаще рассматривается в широком смысле применительно сферы практической речевой деятельности и публичной коммуникации. Он трактуется как «совокупность дискурсивных практик, которые идентифицируют участников политического дискурса и формируют конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов, 2001, с. 246], как «форма политического действия, часть политического процесса» [Водак 2004, с. 139], а «политические действия по своей природе являются

речевыми действиями» [Шейгал, 2000, с. 223]. Таким образом, политический дискурс в призме современной лингвистики понимается как речевая деятельность политических субъектов в сфере институциональной коммуникации.

Максимально лаконичным и одновременно ёмким толкованием политического дискурса признаём дефиницию Е.И. Шейгал, которая определяет политический дискурс как «любое речевое образование, субъект, адресат или содержание которого относится к сфере политики» и которая выделяет в политическом дискурсе два вида измерения – реальное и виртуальное [Шейгал, 2004, с. 23]. Реальное измерение охватывает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве и речевые произведения (тексты) как результат этой деятельности. К виртуальному измерению принадлежат вербальные и невербальные знаки, набор характерных для общения в данной сфере моделей речевых действий и жанров [Яфарова, 2015].

Рассмотрев различные трактовки феномена «политический дискурс», мы принимаем широкое понимание данного явления и считаем, что политический дискурс неправильно ограничивать только институциональными формами общения, и поэтому относим к политическому дискурсу широкий спектр ситуаций и форм речевой коммуникации (от разговоров о политике в семье до официальных встреч руководителей государств). Главное, чтобы в них присутствовала хотя бы одна из составляющих политической сферы.

Видовое разнообразие политического дискурса.

Проблема разнообразия видов политического дискурса связана с выделением основных критериев его типологии. Например, в основу классификации может быть положен канал передачи политической информации, тогда мы имеем дело с устной или письменной формой политического дискурса. Устный политический дискурс представлен в жанрах парламентских дебатов, выступления политическими лидерами на встречах с избирателями и в СМИ, митингах, официальных церемониях и др.; письменный политический дискурс – это программы политических партий и движений, листовки, декреты, конституции и т. п. Однако, такой подход, когда в основу типологии политического дискурса положен лишь один критерий, представляется весьма узким и ограниченным. Исходя из широкого понимания политического дискурса, мы считаем целесообразным рассматривать типологическое разнообразие политического дискурса, во-первых, с позиций полевого подхода, согласно которому степень центральности или маргинальности того или иного типа политического дискурса определяется тем, в какой степени он соответствует основному назначению политической коммуникации – борьбе за власть [Шейгал, 2004]; во-вторых, учитывать наличие субъектов политической деятельности и линию их коммуникации, и, в-третьих, опираться на речевые жанры, с помощью которых реализуется тот или иной тип политического дискурса.

В типологии политического дискурса по субъектам политической деятельности, выделяется три вида коммуникации: 1) коммуникация между институтом и обществом («институт» → «общество» и «общество» → «институт»), 2) коммуникация между институтом и гражданином («институт» → «гражданин» и «гражданин» → «институт») и 3) коммуникация между агентами в институтах (внутренняя и публичная сфера). В жанровом пространстве политического дискурса выделяют первичные жанры (заявления, речи, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и т. д.) и вторичные жанры (интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатуру и т. п.); малые (лозунг, слоган, речёвка), средние (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.) и крупные (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.) жанры.

Итак, в типологическом пространстве политического дискурса можно выделить ряд разновидностей, каждая из которых представлена определённым набором речевых жанров. Основными видами политического дискурса являются институциональный политический дискурс, в который входят такие жанры, как предвыборная агитация, инаугурационное обращение, парламентские речи и дебаты, официальные выступления руководителей государства и их помощников, интервью политических лидеров и др.; и массово-информаци-

онный (медийный) политический дискурс, представленный текстами журналистов и корреспондентов в прессе, теле- и радиовещании, в Интернете, актуализируется в жанре интервью, репортажа, статьи, очерка, теледебатов, пресс-конференций, ток-шоу, «прямая линия» и т. д.

К ближней периферии политического дискурса относим, во-первых, официально-деловой политический дискурс, в рамках которого создаются тексты информационно-прескриптивного характера, предназначенные для сотрудников государственного аппарата, находят выражение в жанре служебной переписки, правительственных обсуждений, парламентских дебатов, парламентских слушаний, партийных программ, указов, законопроектов и т. д.; во-вторых, гражданский политический дискурс, т. е. дискурс, созданный «рядовыми гражданами», представлен жанром письма или жалобы для обращения к руководителям государства, министрам, депутатам, президенту, или адресованным СМИ, а также жанрами петиции, устного обращения, телефонного звонка (например, на «горячую линию» или в колл-центр), жанром листовки, лозунга, митинга, анекдота, граффити, карикатуры, бытовые разговоры о политике и т. п.; и, наконец, художественный политический дискурс, который репрезентируется в жанре политического детектива, политической поэзии, мемуаров политиков и т. д.

К дальней периферии можно отнести научно-исследовательский политический дискурс, куда входят посвященные

политике тексты научной коммуникации, созданные в жанре научной статьи, монографии, диссертации, книги политической публицистики и т. д. Отметим, что границы между названными разновидностями политического дискурса не четкие и нередко приходится наблюдать их взаимное пересечение.

Политический дискурс: отличительные особенности, функции, цели и задачи. Политический дискурс обладает рядом отличительных коммуникативных особенностей. Во-первых, непременным атрибутом политического дискурса является конвенциональность, проявляющаяся в различных семантических формах таких, как клише, идиомы, политические термины, использовании своеобразных приемов и выражается в стереотипном поведении и речевой коммуникации [Кобец, 2012; Угланова, 2013; Мартышкин, Электронный ресурс]. Во-вторых, политическая коммуникация характеризуется институциональностью, поскольку субъекты политического дискурса являются представителями различного рода институтов и осуществляют свою речевую деятельность в определенной институциональной обстановке (на заседании правительства, в парламенте, на съезде политической партии и т. д.) [Кобец, 2012; Угланова, 2013; Т. Ван Дейк, 2013]. В-третьих, политический дискурс идеологичен, в нём происходит идеологизация всего, о чем говорится [Угланова, 2013]. В-четвертых, отметим интертекстуальность политических текстов, т. е. свойство их воспроиз-

водства в рамках выражения определенной идеологии, социокультурных установок, ценностей, норм. В-пятых, для политического дискурса характерна высокая степень манипулирования, преобладание воздействия и оценки над информированием [Шейгал, 2000]. Язык в политическом дискурсе является инструментом воздействия, убеждения, пропаганды, внушения гражданам необходимости политически правильных действий и/или оценки контроля [Угланова, 2013]. Кроме того, к характерным особенностям политического дискурса относят и ряд других признаков, таких как официальность, повышенная критичность к оппонентам, монологичность, фантомность, динамичность, авторитарность, смысловая неопределенность, эзотеричность, дистанцированность, эмоциональность и театральность [Козлова, 2016]. К лингвистическим признакам политического дискурса относят синтаксическую сложность, большой объем синтаксических единиц и опору на сложные предложения с подчинительной связью и сложные синтаксические структуры, размеренный темп, низкую скорость интеракции, лингвистическую выразительность [Макаров, 2001].

Выделение функций политического дискурса также дискуссионная проблема. Отмечается неоднозначность и многосторонность подходов к определению базовых функций и установлению доминирующей функции политического дискурса. Например, Р. Водак выделяет шесть функций: персуазивную (убеждающую), информативную, аргументативную,

персуазивно-функциональную, делимитативную и групповыделительную [Водак, 2004]. Е.И. Шейгал описывает регулятивную, референтную и магическую функции политического дискурса, а базовой функцией считает инструментальную – борьба за власть [Синеокая, 2012]. Т.И. Никишина предлагает выделять в политическом дискурсе инструментальную функцию, функцию нормирования, функции легитимации власти и прогноза, однако главной, по ее мнению, является информационная функция, поскольку подавая нужную информацию участники политического дискурса приходят к главной цели политики – получение и удержания власти [Никишина, 2011].

П.Б. Паршин говорит об убеждающей функции как о ведущей функции политического дискурса: «Для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин, 1987, с. 143]. В.А. Павлуцкий основными функциями политического дискурса называет функции убеждения и политической пропаганды [Павлуцкий, 2008]. В ряде работ встречаются и другие функции политического дискурса: функция воспроизводства власти, функция социальной солидаризации и дифференциации, функция социальной идентификации, контролирующая, интерпретационная, агональная, ориентационная функции [Углова, 2013; Никишина, 2011]. В целом, отметим, что все функции политического дискурса исходят

из главной интенции этого вида речевой коммуникации – борьбы за власть, которая присутствует во всех жанрах политического дискурса (агитационная речь; дебаты в парламенте; дискуссии; политическое интервью и т. д.). Поэтому в качестве доминирующих функций в основном указываются манипулятивная, убеждающая и информационная, благодаря которым осуществляется манипуляция политическим сознанием социума.

Центральным концептом в политическом дискурсе выступает власть, а её захват, завоевание, удержание, осуществление или перераспределение – главная цель политического дискурса [Угланова, 2013]. Для достижения данной цели необходимо убедить адресата, модифицировать его намерения, мнения и установки, мотивировать желаемые реакции и побудить к действиям [Шейгал, 2004; Демьянков, 2008]. Таким образом, для политического дискурса характерна высокая степень манипулятивности, причем инструментом манипулятивного воздействия является язык, который в концепциях В. Уорфа, Э. Сепира, М. Холлидея, Р. Фоулера считается «медиатором», формирующим наши представления о мире, влияющем на мышление и обуславливающим то или иное мировидение [Иссерс, 1999a].

Подведем итог. Политический дискурс представляет собой любое речевое образование, в котором присутствует хотя бы одна из трех составляющих (субъект, адресат, содержание общения). Предметом общения в политическом дискурсе

се является политическая жизнь общества, а его участники наделяются определенными социальными ролями в политической жизни. Политический дискурс включает в себя как текущую речевую деятельность и речевые произведения, так и вербальные и невербальные знаки, комплекс моделей речевых действий и жанров. Основной функцией политического дискурса является его использование в качестве инструмента политической власти.

1.2. Манипулятивность как характеристика политического дискурса

В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано.
Франклин Рузвельт

Манипулирование как вид психологического воздействия. В процессе межличностной коммуникации, когда один из её участников тщательно выбирает способ или средство поведения с целью обеспечения нужного ему восприятия ситуации, причем последний этого не замечает, мы имеем дело с манипулированием. Манипулирование личностным и общественным сознанием, применение многочисленных средств, приемов и технологий информационно-психологического воздействия стало обыденным явлением во всех сферах жизни современного общества. Необходимость в манипуляции возникает тогда, когда невозможно открытое давление, поскольку оно отталкивает реципиента тем, что навязывает ему решение. Поэтому задачей манипулятора является создать у адресата впечатление самостоятельного и добровольного принятия решения [Зюбина, 2013].

Понятие «манипуляция», латинское по своему происхож-

дению (*manipulus* – пригоршня, горсть, *manus* – рука), было впервые употреблено во французском языке и имело несколько значений: 1) сложный приём, действие при работе руками, совершаемое с какой-либо целью; 2) показ фокусов, основанный на ловкости, быстроте и точности движений рук, кистей и пальцев; 3) ловкая проделка, махинация [Семенов, 2006]. В современной научной литературе термин «манипуляция» трактуется весьма неоднозначно в силу того, что разные ученые наполняют его своим специфическим содержанием, и употребляется синонимично понятиям «манипулятивное воздействие» и «манипулирование». Обратимся к некоторым современным трактовкам данного понятия для выявления основного содержания данного феномена.

В отечественной науке «манипулирование» интерпретируется как 1) «программирование» мнений, установок, настроений, психического состояния масс с целью обеспечить такое их поведение, которое необходимо собственникам средств манипуляции [Кара-Мурза, 2003; Демьянков, 2008]; 2) разновидность межличностного взаимодействия, при котором манипулирующий использует свое мастерство для осуществления контроля за поведением манипулируемого, скрытого внедрения в его психику целей, желаний, намерений, отношений, установок, не совпадающих с имеющимися у адресата в данный момент, в результате чего побуждает его вести себя угодным для манипулирующего способом [Доценко, 1997]; 3) вид скрытого речевого воз-

действия, направленного на достижение собственных целей субъекта воздействия, которые не совпадают, или противоречат намерениям, желаниям и интересам объекта воздействия, при этом осуществляется не-осознаваемый объектом контроль над его сознанием с помощью искаженной, необъективной подачи информации, зафиксированной в тексте [Штайн, 2004]; 4) действия, нацеленные на «прибирание к рукам» другого человека, помыкание им, осуществляемые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением [Гудина, Электронный ресурс]; 5) скрытое управление адресатом со стороны инициатора, при котором последний достигает своих целей, нанося ущерб адресату [Шейнов, 2010]; 6) стратегия социального поведения в личных целях манипулятора, противоречащего собственным интересам адресата [Знаков, 2000]; 7) проделка, мошенничество (с неодобрительным оттенком) [Ожегов, Шведова, 2003].

В зарубежных источниках находим идентичную трактовку «манипулирования», которое определяется как 1) система ложных отвлекающих манёвров, с помощью которых манипулятор добивается того, что адресат сам того не осознавая, изменяет свои цели [Wilson, Near, Miller, 1996], 2) обманное косвенное воздействие в интересах манипулятора [Yokoуama, 1988], 3) скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок поведения [Шиллер, 1980], 4) скрытое управление и лов-

кое использование кого-либо часто нечестным путем, т. е. таким образом, чтобы адресат поступал или думал согласно намерениям, желаниям и ожиданиям инициатора [Oxford Dictionary, 1993].

Общее во всех перечисленных выше интерпретациях понятия «манипулирования» – это то, что оно рассматривается как акт скрытого, неосознаваемого адресатом управления его сознанием, имеет негативную окраску, поскольку навязывает конкретную идею, мнение, представление о чем-либо или желаемую модель поведения и направлено на обман. Однако в ряде отечественных и зарубежных работ о манипулировании (Р. Гудин, Дж. Рудинова, Э. Шострома, Е.Л. Доценко) отмечается и его положительная сторона. Во-первых, положительная сущность манипуляции проявляется, когда манипуляция производится в интересах манипулируемого, и тогда это «социально одобряемое, созидательное управление» [Шейнов, 2010, с. 7]. Во-вторых, помимо отрицательных форм манипуляции таких, как высмеивание, критика, констатация негативных фактов биографии, намеки и упоминания о прошлых ошибках, запугивающие повеления и указания и т. д., существуют и положительные формы – как вербальные (заступничество, успокаивание, комплимент, сообщение хороших новостей), так и невербальные (обнимание, подмигивание), которые вызывают положительные эмоции у объекта манипулирования. Мы, однако, полагаем, что манипулирование имеет только негативный ха-

раक्टर, ему присуще отрицательное прагматическое значение, т. е. оно является отрицательным видом воздействия. Считаем целесообразным различать два вида воздействия: 1) неманипулятивное, созидательное, с явной целью, при котором адресат проявляет уважение к реципиенту, и тот сохраняет свое достоинство и сознание собственной свободы, и 2) манипулятивное, разрушительное для адресата, со скрытой для него истинной целью; такая цель работает только «в пользу» манипулятора, который управляет адресатом против его воли и тем самым наносит ему ущерб. Если в действиях коммуникатора присутствует скрытая корысть, ради достижения которой требуется незаметно навязать адресату чуждые для него ценности, – такое поведение коммуникатора есть не что иное, как манипулирование [Бизюков, 2016; Гудина, Электронный ресурс]. Таким образом, манипулирование является отрицательным видом воздействия. Под манипулированием в данной работе мы будем понимать отрицательный вид психологического воздействия, мастерское использование которого приводит к скрытому возбуждению у объекта манипулирования намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.